

Распространенное заблуждение

Из всех многообразных методов и приемов, которыми наука пользуется для разыскания истины, наша современная молодежь в своих исканиях и попытках разобраться в окружающей действительности чаще всего пользуется методом, значение которого наиболее скромное. Этот метод в логике называется «заключением или выводом по аналогии».

Склонность к таким заключениям по аналогии вообще столь распространена, что, может быть, первое, что следует делать, говоря об этом приеме мышления, это предостерегать против преувеличений в пользовании им. Сколько раз о Русской революции, в разных фазах ее развития, судили по Французской революции; сколько было высказано диагнозов и прогнозов по одному лишь этому методу аналогии, имевших влияние и на практическую жизнь? Бессознательная же склонность к такого рода заключениям и того больше. Вся, например, так называемая, органическая школа в социологии построена по методу аналогии.

Успех этого способа познания проистекает из того, что он по видимости очень убедителен, а главное — удобен; но логическая ценность его далеко не соответствует такой его соблазнительности. Классическая логика даже лишает его звания «научного» метода — в строгом смысле слова, признавая за ним лишь вспомогательное и условное значение.

Сущность этого метода мышления состоит в том, что, основываясь на сходстве двух явлений в одном каком либо отношении, мы заключаем или ждем, что они окажутся сходными и в некотором другом отношении. Так, например, часто, желая по-

нять развитие современной демократии, проводят аналогию между нею и Античной демократией. Последняя, действительно, во многом похожа на демократию нашего времени, но во многом и весьма существенном, они также отличаются друг от друга. С точки зрения наших понятий афинский государственный строй должен быть признан не демократией, а аристократией, так как свобода там была обеспечена лишь за частью населения и базировалась на рабстве другой его части, не говоря уже об отсутствии народного представительства, трудового начала и пр. Но подобного рода затруднения мы встретили бы во всякой иной исторической аналогии. Полного тождества событий никогда не бывает, и оно простирается лишь до известных пределов.

В области истории нам приходится иметь дело с особой причинностью, которая очень отличается от физической или механической причинности естественных наук. И особенности этой исторической причинности таковы, что она не допускает повторений событий. Едва ли не господствующей точкой зрения на историю является та, которая в индивидуальном усматривает исключительный предмет этой науки. Не общее, не повторяющееся, — предмет естественных наук, — а индивидуальное, неповторимое служит ей объектом. Выходит, следовательно, что самым определением истории, как науки, исключается возможность применения аналогии в этой области знания. На этом основании считают даже, что история не есть область научного знания. Известно, как резко отрицательно относилась к возможности истории, как науки, немецкая философия конца 18-го и нач. 19-го столетия. По мнению Шопенгауэра, история есть нечто, прямо противоположное подлинному, т.-е. научному знанию. «Науки, говорит он, будучи системами понятий, всегда говорят о родах, история всегда — об индивидуумах, первые — о том, что бывает всегда, вторая — о случившемся однажды и более не существующем». При таких особенностях предмета исторического знания трудно говорить о применимости метода аналогии в этой области фактов. Но еще резче в этом вопросе высказывался Шеллинг. Он столь пренебрежительно относился к занятиям историей, что по его мнению, предаваться

последнему, могут лишь совершенно тупые головы (die geistlosesten Köpfe).

Конечно, такая точка зрения является крайней. Выводы по аналогии обладают некоторой степенью вероятности, но их ни в коем случае нельзя признать ни достоверными, ни даже близкими к достоверности. Теоретическая логика, признавая некоторую степень вероятности за добытыми таким способом суждениями, требует для их принятия предварительной проверки посредством других методов познания. Без этого такие суждения могут играть лишь подсобную роль.

Значение выводов по аналогии не в прямом расширении нашего знания, не в пригодности их для оправдания наших суждений, а в том, что они возбуждают нашу мысль к исканию новых сходств там, где удалось констатировать некоторые известные сходства, в том, что они могут сообщить исследованию надлежащее направление. Благодаря этому, мы часто, таким образом, приходим к удачным догадкам, которые потом превращаются в прочные научные достижения.

Однако, и такое положительное значение этого способа познания сохраняется лишь до тех пор, пока в пользовании им не выходят из границ его действительных возможностей.

Ю. Тырков.